

УДК 9(470)''1917/1991''

СТАЛИНСКАЯ ЭПОХА В НОВЫХ КНИГАХ ПЕРМСКИХ ИСТОРИКОВ

А. В. Бушмаков

Рецензия посвящена двум книгам пермских историков по истории сталинизма. Анализируется новаторский подход авторов и их вклад в изучение этого периода.

Ключевые слова: сталинизм, репрессии, повседневность, террор, социальная история, политическая культура.

В 2008–2009 гг. в издательстве «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) в серии «История сталинизма» вышли две монографии пермских ученых, посвященных отечественной истории сталинской эпохи. Автор первой книги *В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг.* – историк и социолог Олег Леонидович Лейбович. Он же является ответственным редактором коллективной монографии «*Включен в операцию*». *Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг.*, написанной историками Пермского государственного технического университета совместно с архивными работниками. Обе книги используют материалы пермских архивов, обе были ранее изданы в Перми в издательстве ПГТУ.

Второе издание «В городе М» в значительной степени отличается от первого. Автор не только добавил вводную главу «Место действия», характеризующую Молотовскую область послевоенного периода, но и значительно изменил содержание книги. Заметно увеличилась по объему центральная глава, описывающая борьбу «маленького человека» Михаила Данилкина с первым секретарем Молотовского обкома партии К. М. Хмелевским. Убраны, как не относящиеся к сталинской эпохе, два очерка, опубликованные в первом издании: «Либералы в Молотовском университете (1956–1957 гг.)» и «Дело Ивана Прокофьевича Шарапова». Вместо них добавилась глава, посвященная истории банды школьников из номенклатурных семей, как и остальные разделы книги, помещенная в контекст жизненного мира советских людей в провинциальном городе начала 1950-х гг.

Работая в рамках уликовой парадигмы Карло Гинзбурга, О. Л. Лейбович тщательно реконструирует все обстоятельства и перипетии конфликтов, восстанавливает биографии и анализирует мотивы действий их участников. Плотное насыщенное деталями, повествование неуклонно преследует поставленную автором цель: проникнуть за «декорации, покрытые толстым слоем лака» и выяснить символическое содержание и смыслы поступков и высказываний участников, казалось бы, незначительных, по меркам «большой истории» коллизий.

Тщательно анализируя многочисленные архивные документы: служебную переписку, протоколы партийных собраний, доклады и материалы к ним, справки, характеристики, отчеты, собранные в фондах областного комитета партии, районных комитетов, университета, областной и городской прокуратуры, автор не только реконструирует социальную повседневность провинциального города сталинской эпохи. В конфликтах 1940-х – начала 1950-х гг. он обнаруживает новые социальные практики и модели поведения, явившиеся результатом важных изменений в обществе. Эти изменения, по мнению автора, созревшие под прежней культурной оболочкой именно в поздний сталинский период, сделали возможными коренные перемены в политическом и социальном строе советского общества в хрущевскую эпоху.

К этому же периоду О. Л. Лейбович относит и складывание социальной дифференциации между командными группировками общества и трудовым населением: рабочими, колхозниками, мелкими служащими. С 1953 г. эта тема будет доминировать в идейных и социальных конфликтах советского и постсоветского общества. Почти в каждом очерке он показывает, как «в первое послевоенное десятилетие идеологи, настаивавшие на точном соблюдении социалистических эгалитаристских принципов, бросят вызов практикам от управления, раздававшим экономические бонусы наиболее ценным хозяйственным кадрам: руководителям предприятий в первую очередь».

Для изучения особенностей процесса классовобразования в позднюю сталинскую эпоху, автор использует тонкий инструментарий социолога культуры. Как представляется, именно культурно-антропологический подход позволил О. Л. Лейбовичу, анализируя отдельные конфликты между

представителями провинциальной номенклатуры и интеллигенции, не только показать быт и нравы тогдашнего молотовского общества, но и выявить важные тенденции в его развитии.

В коллективной монографии *«Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг.»* сделана попытка детально реконструировать наиболее массовую из всех операций советских карательных органов в 1937–1938 гг. на территории Прикамья – проводимую в соответствии с приказом наркома внутренних дел Н. И. Ежова № 00447 от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов».

Основываясь на местных архивных источниках, исследователи показывают механизмы и практики проведения репрессивных кампаний на территории СССР в сталинскую эпоху. По мнению авторов, факты, изложенные в книге, позволяют уточнить современные представления о Большом терроре и переосмыслить сложившиеся исследовательские подходы к его изучению. На примере Прикамья они попытались проследить, что именно представляла собой массовая зачистка «контрреволюционного кулачества», «агентов буржуазных разведок» и других «антисоветских элементов», предпринятая органами НКВД по указанию Сталина.

Второе издание книги открывается новой главой, отсутствовавшей в первом варианте монографии, написанной совместно А. А. Колдушко и О. Л. Лейбовичем. Анализируя советские «культурные» практики тридцатых годов, авторы указывают на тот факт, что их объектами был не только сам Сталин и его ближайшее окружение, но и местные номенклатурщики высокого ранга. Важность публичных и частных актов и церемоний, архаическую сущность которых неоднократно подчеркивают авторы, дает им возможность показать выдающуюся роль ритуально-символического начала в сталинских репрессиях. По их мнению, «в ритуальных практиках утверждался единый стиль отправления власти в территориально разобщенном обществе: авторитарный, пафосный, опирающийся на культурные архетипы, воспитанные столетиями крепостничества и самодержавия, стало быть, приемлемый для атомизированного социальной катастрофой, полуголодного, деклассированного и дезориентированного населения». Именно поэтому массовые репрессии сталинского режима столь сильно напоминали обряды религиозного очищения.

Следующая глава (автор – А. И. Казанков) посвящена делу «Общества трудового духовенства», сфабрикованному сотрудниками НКВД еще до вступления в силу приказа № 00447. Дело уникально тем, что было признано образцовым и его материалы направлялись периферийным органам НКВД как эталонные. Многочисленные документы, содержащиеся в его семи томах, позволили исследователю детально воссоздать технологию проведения репрессий, использовавшуюся НКВД в 1937–1938 гг.

В третьей главе Г. Ф. Станковская и О. Л. Лейбович существенно дополняют тему изучения роли территориальных органов НКВД в операции по приказу № 00447. Речь идет об особенностях работы оперативных групп, действовавших в 1937–1938 гг. на территории будущей Пермской области. Несмотря на ограниченность и фрагментарность имеющихся источников, авторам вполне удалось раскрыть особенности функционирования низших органов НКВД в репрессивной кампании. Освещены такие стороны жизни чекистов в этот период, как ведомственная подготовка кулацкой операции, культурный шок от падения авторитетов, ротация кадров, рутинные практики и самооправдания. Авторы приходят к выводу о повышении статуса сотрудников территориальных органов НКВД в ходе операции, и в то же время об их заметной моральной деградации. Конец массовых операций, по их мнению, позволил районным и городским комитетам партии вернуть себе власть, сигналом к чему послужило ноябрьское постановление ЦК ВКП(б).

Роли партийных органов в осуществлении массовых репрессий посвящена глава, написанная А. А. Колдушко. В ней раскрываются взаимоотношения партийных органов и НКВД, особое внимание обращается на разного рода «черные списки», отправлявшиеся чекистам горкома и райкома. Автор показывает, что сами списки отнюдь не служили основанием для арестов. Несмотря на то, что «кулацкая операция» предназначалась не для партийной номенклатуры – их осуждала выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР – два секретаря райкомов в Прикамье все же попали на тройку. По мнению автора, это объясняется бессистемностью действий сотрудников НКВД в операции по приказу 00447.

Глава, написанная А. В. Чашухиным, повествует о роли в операции советских органов, таких как прокуратура и отделы найма и увольнения на промышленных предприятиях. Автор показал, как в Прикамье прокуратура в лице и.о. прокурора Камского бассейна Щукина, участвовала в

«штамповке» дел, зачастую никакого отношения к Камскому бассейну не имеющих. В то же время, даже в 1937 г. прокуратура не всегда послушно выполняла желания НКВД, а в 1938 г., получив соответствующие указания из Москвы, практически прекратила свое участие в операции. Что касается отделов найма и увольнения (ОНУ), то они, по мнению автора, были весьма востребованы с началом операции, и сыграли значительную роль в репрессиях. Начальники ОНУ в период репрессий практически не подчинялись своим директорам и пользовались особым покровительством со стороны НКВД.

Репрессиям против рабочих посвящена глава, написанная А. Н. Кабацковым. Он убедительно показывает, что жертвами «кулацкой операции» по приказу № 00447 в Прикамье стали именно рабочие. Несмотря на то, что в тексте приказа в перечне подлежащих уничтожению враждебных социальных групп рабочие вовсе не упомянуты, по подсчетам исследователя, 44,8% из 7959 репрессированных в Прикамье по этому приказу составили именно рабочие. Арестовывая рабочих в больших количествах, следователи формировали из них повстанческие группы и взводы. Автору удалось обнаружить документы, показывающие, каким образом конструировались эти формирования. По признанию, сделанному в 1955 г. бывшим оперуполномоченным Ворошиловского РО НКВД «из числа арестованных следователь выбирал более грамотных лиц, с учетом их социального происхождения, занимаемой должности и искусственно из этих лиц создавал контрреволюционные диверсионно-повстанческие организации, делая наиболее грамотных резидентами» [«Включен в...», 2009, с. 141].

А. Н. Кабацков указывает, что оперуполномоченных НКВД мало интересовал социальный статус арестованных: среди репрессированных рабочих преобладают занятые в тяжелой промышленности, но есть и работники лесной, легкой и местной. 25% из них – рабочие высокой квалификации, остальные – чернорабочие, плотники, сплавщики, лесорубы и т.д. По мнению автора, рабочие оказались под ударом НКВД, во многом в силу сугубо технических моментов: они жили компактно, их было легче арестовывать, чем крестьян, на них удобно было валить сбой и аварии в промышленности.

Репрессии против сельского населения рассмотрены в главе, написанной В. В. Шабалиным. Из 2049 репрессированных по приказу № 00447 в Прикамье сельских жителей основную массу составили рядовые и руководящие работники колхозов и крестьяне-единоличники, причем последние представлены в явном меньшинстве. Автор отмечает высокую долю коми-пермяков, татар и башкир среди пострадавших. В большинстве районов Прикамья зафиксировано наличие групповых дел, зачастую по ним проходит большинство арестованных. Аресты начинались с агентурных донесений или «полуофициального сбора данных», получаемых обычно от сельсоветов. В. В. Шабалин рассматривает ряд типичных дел на крестьян, репрессированных по приказу № 00447, и на их примерах раскрывает механизмы проведения кампании. По его мнению, выявляя у арестованных крестьян обычные дружественные, официальные или родственные связи, следователи конструировали на их основе «повстанческие» группы.

Один из примеров, рассмотренных В. В. Шабалиным (казус бывшего белогвардейца Марилова), демонстрирует, что деревенские маргиналы не только не являлись главным объектом преследования со стороны карательных органов, но и могли способствовать арестам рядовых колхозников.

А. С. Кимерлинг описала репрессии против служащих, составивших 15,5% от общего количества репрессированных в Прикамье. Больше всего от операции по приказу № 00447 пострадали специалисты (63,8% от общего количества репрессированных служащих). Руководители, преимущественно мелкие, составили 32,8% пострадавших. По мнению автора, «служащих обвиняли в самых тяжких преступлениях, их легко было поставить во главе любой контрреволюционной организации». Интересно, что из 1151 служащего, попавшего в базу репрессированных, 414 вообще не были ранее судимы и не принадлежали ни к одной из возможных категорий «социально чуждых элементов», на выявление которых ориентировал работников НКВД приказ № 00447. А. С. Кимерлинг показывает, что все эти нарушения приказа, равно как и смешивание на местах национальной и кулацкой операций не имели значения в глазах областного руководства НКВД.

Репрессиям против духовенства посвящена следующая глава, написанная А. И. Казанковым. Он характеризует духовенство, как идеальную среду для конструирования всяческих антисоветских центров, достаточно закрытую и имеющую иерархию. Автор подробно рассматривает дина-

мику арестов, отмечая, что с августа по декабрь 1937 г. средний срок рассмотрения дела сокращался сначала на 20, а затем на 7–5 дней ежемесячно и достиг всего 10 дней. На примере нескольких характерных дел он демонстрирует, как фабриковались «повстанческие ячейки» и другие вымышленные обвинения против духовенства. Таким образом, «духовенство оказалось идеальным объектом репрессий. Вертикальные и горизонтальные корпоративные связи квазиноменклатурной структуры церкви использовались как каркас, на который наращивались повстанческие ячейки из арестованных крестьян-прихожан» [«Включен в...», 2009, с. 265].

Отдельная глава (автор – С. А. Шевырин) посвящена тому, как проходила «кулацкая операция» в селе Кояново, расположенном в 25 км от Перми. Он приходит к заключению, что ее жертвами стали в первую очередь активные верующие-мусульмане, а за ними – административно хозяйственные руководители села.

Последняя глава, написанная О. Л. Лейбовичем, посвящена реконструкции хода кулацкой операции на территории Прикамья в целом. Беря в качестве гипотезы положение о том, что массовые операции в Прикамье могут быть поняты только в общем контексте политической ситуации в стране, для которой была характерна проводимая при помощи террора сверху «кадровая революция», автор считает, что «разграничения между акциями, направленными против «антисоветских элементов» в городе и деревне и чистками внутри властных аппаратов имеют ничтожный характер, сплошь и рядом игнорируемый и организаторами и исполнителями большого террора» [Там же, с. 295].

Он фиксирует противоречия между официальными докладами, направленными руководством областного управления НКВД в центр и архивными данными. Фрагментарность и неточность выявленных материалов обусловили гипотетичность основных выводов. Тем не менее, автор формулирует ряд важных выводов и замечаний. К ним относится утверждение о том, что операции предшествовала «политическая зачистка территории», когда органы НКВД нанесли удар по номенклатурным работникам. В ходе этого этапа, по предположению О. Л. Лейбовича, были выделены районы и города, по которым планировалось нанесение основного удара.

Автор пишет, что в августе 1937 г. начальник Свердловского УНКВД Д. М. Дмитриев рапортовал Ежову о раскрытии Уральского повстанческого штаба, готовящего вооруженное восстание. Д. М. Дмитриев требовал от следственных бригад любой ценой найти списки участников повстанческих отрядов – и списки были найдены, даже если это были списки стахановцев, предназначенные для награждения. В ходе операции путем принудительной дезидентификации советские граждане превращались во врагов: кулаков, белогвардейцев, шпионов. Идеологическое оправдание операции чекисты получали от начальства: «в борьбе с врагами любые методы хороши». Кроме идеологии, О. Л. Лейбович раскрывает и технологию, использовавшуюся местными чекистами, для упрощения и фальсификации следственных действий, что привело к попаданию под удар репрессий людей, являвшихся опорой советской власти. То, что жертвами операции стали люди, не относимые ее организаторами к антисоветским элементам, с точки зрения автора было неслучайно. К этому привело соединение политической чистки партийных учреждений с одной стороны и предотвращение якобы готовящейся кулацкой революции – с другой: необходимо было найти посредников между ними. Итоги операции печальны: «Несмотря на кажущуюся целесообразность в обосновании операции, на рационализацию примененных в ней технологий, она остается бессмысленной бойней, завершившейся казнью ее собственных организаторов и особо рьяных исполнителей» [Там же, с. 313].

В заключении монографии сформулированы некоторые выводы, которые в значительной степени отличаются от взглядов других исследователей, работавших над данной проблемой. Как утверждают авторы, «...в Прикамье не было нескольких операций, то есть не велся отдельно огонь по штабам, и не велась специальная охота на маргиналов, а затем на националов. В исторической традиции действительно присутствуют два не связываемых обычно между собой повествования. Первое построено вокруг избиения большевистской гвардии, расправы над легендарными комкорами, комдивами и наркомками... Вторая традиция – для тех, кто глух к революционной романтике. Она дерзко выволакивает на свет кочегаров и золотарей, конюхов и трудопоселенцев, ссыльных и уголовников, утверждая, что эти маргинальные персонажи и есть подлинный, самый массовый объект репрессий 1937 года... И почему-то практически не предпринимались попытки увидеть оба процесса в качестве взаимодополняющих составных частей одной операции» [Там же, с. 315–316].

Причина, почему обе эти, казалось бы, слабо связанные группы населения, попали под удар органов НКВД, в книге объясняется тем, что Сталин в рассматриваемый период находился под сильнейшим влиянием теории заговора: «Сталин, возможно, не без влияния испанского опыта, испытал определенный шок. Ненадежным оказалось даже ближайшее окружение. Выбирая между глупостью и изменой соратников, он все-таки выбрал измену». В сочетании с герметичностью властного дискурса и тревожными сводками НКВД, идея масштабного заговора оказалась для Сталина реальной, и реакцией на нее стал запуск Большого Террора, который оказался способным к самовоспроизводству.

Несмотря на гипотетичность некоторых утверждений, книга пермских ученых является одной из первых попыток раскрыть тему репрессий 1930-х гг. во всей ее полноте и сложности. Ее отличает обостренная методологическая рефлексия и тщательность работы с архивными источниками. Другим достоинством работы пермских авторов является то, что массовый террор был рассмотрен на материалах низших инстанций, тогда как в современной историографии до последнего времени преобладали исследования, опирающиеся на документы центральных архивов. Как выяснилось, Большой Террор на районном и областном уровнях выглядит иначе, чем, если смотреть на него из Москвы.

Библиографический список

В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. / Лейбович О. Л. М.: РОССПЭН, 2008. 318 с.

«Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. / отв. ред. О. Л. Лейбович. М.: РОССПЭН, 2009. 295 с.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.06.2010